

УДК 811.161.1' 28
DOI 10.17223/19986645/32/2

Г.В. Калиткина

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КОНТЕЙНЕРА И ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ

Преломление универсальной когнитивной метафоры контейнера порождает специфическую разновидность темпоральных концептов традиционной культуры. Их план выражения представлен денотативными глаголами, которые включают в лексическую семантику отсылку к циклическому континууму времени. Ареал функционирования большинства единиц ограничен, но количество позволяет говорить о высокой устойчивости данного семантического лейтмотива в русской языковой картине мира.
Ключевые слова: лингвокультура, диалект, циклическое время, темпоральные глаголы.

Категория времени, являясь фундаментальной для «естественной» онтологии, оказывается той денотативной сферой, которая включает узловые проблемы, связанные с этнокультурными характеристиками ментальности (миропонимания). Объективное время в равной мере дано для неживой и живой материи, и вместе с тем оно предстает перед человеком умопостигаемой внеэмпирической сущностью, которая так или иначе осмысливается не только на уровне направленной теоретической рефлексии, но и на уровне культурной концептуализации этой составляющей обыденного человеческого опыта.

Обыденное бытие характеризуется специфической рациональностью, направленной на повседневное смыслополагание. При этом обыденное мышление, как и любая другая обработка информации, основано на восприятии, анализе и категоризации знания о действительности. Именно способы хранения и представления знания о мире (иначе говоря, концептуализация мира, нетождественная реальной действительности) отражены языком. И хотя тезис о национально-культурном своеобразии этой концептуализации сегодня никем особенно не оспаривается, многие вопросы до сих пор ждут своего решения.

1.0. Со времен Э.Б. Тайлора, впервые определившего понятие «культура», стремление дать ему строгую дефиницию не угасает и их количество растет. Примем самую простую: культура – способ освоения реальности. Следовательно, в определенной степени культура изофункциональна языку. Оба этих феномена стоят между человеком и внеположным ему миром. Культура формирует ту среду, в которой только и может существовать человек. Язык, согласно концепции В. фон Гумбольдта, также создает «промежуточный мир» между объективной действительностью и человеком. Не случайно в последние десятилетия возник и довольно широко используется термин «лингвокультура». Н.И. Толстой во многих работах возвращался к мысли, что язык и культура, будучи автономными семиотическими системами, все же могут

быть описаны с помощью одного логического (и терминологического) аппарата.

1.1. Суть любой национальной культуры определяется набором общечеловеческих черт и идей. Неуникальные явления, феномены, факты и формы культуры складываются в уникальную картину, специфически интерпретируя общее (см. работы В.Г. Костомарова, Т.В. Цивьян, Б.Н. Путилова, В.В. Воробьева, В.И. Карасика, Н.Ф. Алефиренко, С.Ю. Неклюдова и др.). Этот тезис получил афористичное методологическое преломление у А. Вежбицкой [1], которая постулировала, что сам факт существования культурной специфики как таковой предполагает и наличие культурных универсалий.

Объективные ограничения результатов анализа национальной культуры имеют двустороннюю природу. Принципиальная инаковость, экзотичность чужой культуры – тот аспект, который первым привлекает внимание любого исследователя, и ее содержание и форму он определяет, отталкиваясь от тех или иных черт культуры собственной. При этом надо отдавать отчет в том, что внешний анализ («внеаходимость» исследователя, в терминах М.М. Бахтина) как разновидность инокультурного восприятия порождает интерпретации лишь второго и третьего порядка (Э. Сепир, К. Гирц, А.В. Смирнов, И.А. Морозов).

С другой стороны, научная рефлексия о своей культуре нуждается в особых процедурах отчуждения себя и в качестве носителя этой культуры, и в качестве ее исследователя (А. Вежбицкая, Р.М. Фрумкина, К.А. Богданов). Хотя вопрос о единстве и многообразии национальных культур был поставлен по существу до появления классических антропологических штудий, теории встраивались в «западный» лингвокультурный контекст, который *argiōi* обрел статус универсального. Однако эксперименты, ведущиеся с 1990-х гг., доказали, что, например, понятия «правого» и «левого», которые, по представлениям западных исследователей, соотносятся с рядом базовых оппозиций культуры типа «рождение / смерть», «истина / ложь», «добро / зло», во все не являются универсальными в лексико-грамматических системах языков мира и носители некоторых культур незнакомы с семиотической нагруженностью правого и левого развертывания пространства. Как следствие у них возникает проблема различения зеркальных образов (энантиоморфов) (обзор работ см. в: [2]).

1.2. Теперь обратимся к концептуализации содержания культуры, т.е. процессу и результату восприятия, организации и представления этого содержания, где задействован язык. Культура типизирует в нашем сознании фрагменты опыта, а язык овнешняет их. Именно язык создает «понятийные орудия, отражающие прошлый опыт общества касательно действий и размышлений о различных вещах определенными способами, и способствует увековечению этих способов», – настаивает А. Вежбицкая [3. С. 20]. С этим тезисом согласны и представители когнитивной лингвистики: «Подавляющее большинство необходимых сведений о мире (прежде всего научных и теоретических) мы постигаем не в ходе нашей чувственной, предметной, практической деятельности, какой бы важной и базовой она в нашей жизни ни являлась, но в ходе деятельности, опосредованной языком» [4. С. 43].

Б.Л. Уорф, создав гипотезу о лингвистической относительности на дено-

тативном поле времени и пространства – категорий, безусловно должных покрывать весь физический опыт человечества, показал, в современных терминах, что результаты языковой концептуализации действительности могут не совпадать по многим аспектам. С тех времен стало очевидным, что на трактовку онтологии мира у разных народов¹ оказывают влияние и объективные, и субъективные факторы. В итоге, описывая внешний мир, язык фиксирует своеобразную «сетку предпочтений» (Е.Л. Березович) той или иной лингвокультуры, ее «культурный релятивизм» (А. Вежбицкая).

Впрочем, с данной проблемой столкнулись не только лингвисты, но и представители других гуманитарных дисциплин. «Например, историки, особенно те, которых интересовало что-то еще, кроме вопроса, почему мы сегодня гораздо умнее, чем раньше, литературоведы, особенно те, которые читали что-то, кроме Твена и Мелвилла на своем языке, и в последнее время даже философы, до которых дошло, что если грамматика отшлифовывает мир для англоговорящих и немецкоговорящих, то что-то в этом роде она должна делать и для говорящих на китайском языке» [5. С. 9–10]. К. Гирц, произнесший этот пассаж по случаю 200-летия Американской академии наук и искусств, далее предложил антропологам более широкую формулировку: поставлен вопрос соизмеримости концептуальных структур одного дискурсивного сообщества с другим.

В овнешнении концептуальных смыслов участвуют разные уровни языковой системы. И все же тезис Э. Сепира о том, что «чувствительным показателем» национальной культуры служит лексика, остается для большинства лингвистов, пожалуй, незабываемым постулатом. Работы, посвященные, например, связи определенных синтаксических конструкций и менталитета, вскрытой А. Вежбицкой на русском языковом материале, появляются нечасто, несмотря на то, что Б.Л. Уорф при обосновании своей гипотезы более опирался, вслед за Ф. Боасом, на феномены грамматического плана.

Как следствие внимание большинства авторов сфокусировано на номинативной плотности / лакуарности того или иного семантического поля, частотности лексических единиц и т.п. Концептуальному анализу подвергаются «лексические и лексико-фразеологические ресурсы категоризации действительности, отчасти также ее деривационный интерпретационный потенциал (морфологическая и семантическая деривация, в том числе метафорическое моделирование), и в наименьшей степени привлекаются явления грамматической категоризации» [6. С. 24].

2.0. В современном гуманитарном дискурсе используется ряд терминов с пересекающимися объемами: «народная культура», «традиционная культура», «субкультура». В предметном поле антропологии они чаще всего означают комплекс представлений, верований и кодов поведения низших слоев общества.

Мы сохраним терминообозначение «традиционная» за культурой, кото-

¹ «Сформулированная вначале как проблема «примитивного мышления», позже как проблема «когнитивного релятивизма» и, наконец, в последние дни как проблема «концептуальной несоизмеримости» (как всегда наиболее успешно в таких вопросах продвигается лишь его величество жаргон), это проблема несоответствия между взглядом на человеческое сознание с точки зрения «общего знаменателя» и взглядом на него с точки зрения «иных существ – иных понятий» [5. С. 3–4].

рая тысячелетия назад оперлась на ведущие хозяйственные практики этноса, т.е. на скотоводство или земледелие, породившие два основных цивилизационных типа населения – скотоводов-кочевников и земледельцев-крестьян.

Сегодня традиционная культура оказывается лишь одной из форм существования национальной культуры, отнюдь не доминирующей повсеместно. По мысли Н.И. Толстого [7], ныне традиционная культура вписана в парадигму иных форм культуры, подобно тому как обслуживающие ее диалекты вписаны в парадигму иных форм национального языка. Вместе с тем справедливо утверждение М. Элиаде: традиционная культура представляет собой прототип (субстрат) других форм национальной культуры.

3.0. Отсчет времени, установление сезонных и возрастных границ практикуется даже в примитивных племенах. Затем темпоральная организация жизни сообщества контролируется культурой все полнее. Традиционная культура вырабатывает и транслирует целостное ощущение времени, которое пронизывает все ее стороны и порождает единицы, модели, образы, концепты, нормы, ценности, ожидания, связанные с ним, – сложный комплекс стратегий бытия во времени, который назовем темпоральностью культуры [8].

Исходно эти вопросы привлекли внимание социологической школы Э. Дюркгейма, показавшей, что именно национальная традиция устанавливает правила, регулирующие продолжительность определенных актов и процессов (прежде всего производственных), сроки служб, существования институтов и страт и т.д. Внимание культуры не ограничено аспектом длительности, сообщества формируют свои правила, связанные со скоростью, ритмами и интервалами, а также темпоральным порядком самых разных социальных действий.

Темпоральность культуры представляет собой соединение чисто спекулятивного феномена времени и его разнообразных опредмеченных воплощений в обрядовом, акциональном, предметном, вербальном кодах. Очень ярко она проявляется на уровне дискурсов, например, у носителей традиционной культуры весьма разработан дискурсивный мотив (тема) принципиальной качественной неоднородности времени. Хроноощущения сообщества можно анализировать и на материале обозначений времени, т.е. на лексико-грамматическом участке ЯКМ.

3.1. В первой половине XX в. в гуманитарных дисциплинах сложилось мнение, что обозначения времени, выработанные «людьми» (иными словами, его **культурная концептуализация**, в отличие от научной терминологии), в аспекте и продолжительности, и выражения (в терминах лингвистики – **языковой формы**) детерминированы действиями и достижениями общества. Периоды времени, не заполненные сколько-нибудь значимой социальной деятельностью, люди «обходят, не наделяя их каким-нибудь обозначением. Здесь время не продолжается – разрыв виден всякий раз, когда конкретный период не содержит социального интереса или важности» [9. С. 115]. В результате в 1937 г. П. Сорокин и Р.К. Мертон настаивали на господстве в современном обыденном сознании концептов квантовой модели времени. Л.Н. Гумилев через тридцать лет увидел суть явления точнее. Он отметил, что восприятие времени как дискретной субстанции возможно не только на уровне обыденного сознания, но существует и в теоретической рефлексии,

прежде всего у историков¹. Их внимание сосредоточено не на самом времени, а на его наполнении протяженными и зачастую синхронными процессами. Л.Н. Гумилев пришел к выводу, что трем используемым в современном обществе моделям концептуализации времени – циклической, линейной и квантовой – нельзя приписывать атрибут стадиальности (эволюционности): «Люди считают время так, как им это нужно, и не применяют иные системы отсчета не потому, что не умеют, а потому, что не видят в этом практического смысла» [10. С. 93].

Это была принципиальная идея, не до конца оцененная и в наши дни: общим местом в современной литературе является утверждение, что исходной и главенствующей [в традиционной культуре] является циклическая модель времени.

3.2. Связь доминирующей модели времени и типа культуры была затронута Ю.С. Степановым и С.Г. Проскуриным [11]. В 1972 г. они противопоставили обрабатывающие и добывающие действия не только по редукции / максимальной развертке соответствующих им актантных структур, но и по типам порождающих их культур. Авторы постулировали, что обрабатывающие действия естественны в архаических и традиционных культурах, где они концептуализируются и ритуализируются как рекуррентные, повторяющиеся по календарному принципу. Добывающие действия формируют культуры, которые допускают концепт уникального, неповторимого действия, «абсолютной новизны». К аналогичному заключению пришел А.Я. Гуревич, связав специфику деятельности и «автоматические формы сознания» (ментальность): «В аграрном обществе время регулировалось природными циклами, это определяло и специфическую структуру его сознания. <...> Единичное, никогда прежде не случавшееся не имело для него самостоятельной ценности, – подлинную реальность могли получить лишь акты, освященные традицией, регулярно повторяющиеся. Не изменение, а повторение являлось определяющим моментом их сознания и поведения» [12. С. 89]. Это «повторение» полагал главной чертой мифологического сознания и М. Элиаде, назвав в конце 1940-х гг. фундаментальную работу «Мифом о вечном возвращении».

Итак, традиционная культура, сохраняя свои конститутивные черты в «стагнирующем» (Ф. Бродель), в «неподвижном» (Э. Ле Руа Ладюри) времени, прежде всего или даже исключительно в качестве объекта своей обрабатывающей деятельности имела биотические предметные системы, которые функционируют в годовом ритме. На этом фундаменте сформировалась циклическая модель времени.

¹ «Мы можем назвать неделимый отрезок квантом времени, подобно тому как приняты в физике кванты энергии и пространства, под которыми понимаются единицы дискретного процесса. <...> Квантом восприятия истории является так называемая «эпоха», под которой понимается не произвольно взятый отрезок времени, а некая целостность исторического бытия, воспринимаемая исследователем как объективная реальность. <...> При этой цене деления объектом изучения становится не безличное время, а индивидуальный облик того или иного явления. Например, все научились употреблять термины «Ренессанс», «Реформация», «эпоха крестовых походов» и т.п. в определенном значении, хотя возрождение античного искусства достигло апогея после раскопок в Помпеях, протестантские секты возникают даже в XX в. и крестовыми походами были войны Владислава Ягеллона и Яна Собесского против турок. Несмотря на это, терминологической путаницы не возникает, ибо историческое время отличается от астрономического» [10. С. 89].

4.0. Когнитивная лингвистика разделяет тезис, сформулированный еще в рамках сравнительно-исторического языкознания: общая концептуализация идеальных сущностей и передача абстрактных смыслов в языке совершается через призму смыслов конкретных, сформировавшихся в результате непосредственного наблюдения и ощущения предметов и явлений, ассоциируемых с ними. Это приложимо и к феномену времени.

Вопрос о филогенетической и онтогенетической первичности пространственных или временных смыслов, строго говоря, остается дискуссионным и поныне. Однако хорошо известно¹, что концептуализация умпостигаемого времени нередко идет при помощи пространственных метафор. Русский язык предоставляет такие примеры и в литературной подсистеме, и в говорах²: *Пришлют агронома-первокурсника, он говорит: «А чё вперёд сеют?» – гыт. Вот бедный, не знат даже; Скраю-то у их и матери были, и отцы; Двенадцать лет споряду работала; Учился-то когда, скрозь ночи просиживал, скрозь ночи сидел, ага; Эта деревня сьздадь построена, уж триста с лишком лет; Возле вечера к [реке] Томи сходите.*

Сегодня языковые факты подобного рода некоторые авторы рассматривают как свидетельство примарности, врожденности идеи пространства (подробнее см. в: [4, 14]). Даже если осторожно относиться к тезису о прекогниции, нельзя не признать справедливости заявлений когнитивистов о том, что постижение пространственных характеристик реальности породило нечто более значимое, чем просто переход тех или иных «пространственных» лексических единиц в иную семантическую зону. Осмысление универсума пространства дало ряд образных схем обработки человеческого опыта. Среди них схема вместилища (контейнера), которая закрепляется в языковом сознании соответствующей когнитивной онтологической метафорой – представлением о способности фрагмента мира удерживать нечто в своих границах. Дж. Лакофф и М. Джонсон полагают, что метафора вместилища (контейнера) по сути инвариант, представленный частными вариантами – объект-вместилище, вещество-вместилище, поле зрения – вместилище; в качестве вместилища могут быть восприняты события, действия, занятия и состояния (event, actions, activities and states). Они пишут: «Занятие (деятельность) рассматривается как вместилище для действий и других занятий, которые входят в его состав» [14. С. 415].

Итак, будучи результатом осмысления пространства, когнитивная метафора контейнера постепенно редуцирует пространственную конкретику, превращаясь в инструмент упорядочивания самых разных проявлений познаваемой действительности. С ее помощью «можно описать любые множества, группировки, объединения, классы и категории, т.е. перенести на эти абстрактные понятия все представления, почерпнутые из наблюдений над контейнерными вещами» [4. С. 489], – в том числе и для интерпретации времени.

Может ли вместилище пребывать незаполненным? Исходное «простран-

¹ Несмотря на «возраст» вопроса, регулярно появляются новые исследования. Одна из последних публикаций на эту тему посвящена метафорическому сдвигу в семантике русских предлогов [13].

² Текстовые иллюстрации взяты из Среднеобского диалектного архива (1947–2013) Томского государственного университета. Прочие лексические и текстовые примеры диалектного характера сопровождаются указанием на ареал функционирования.

ственное вместилище», по данным русской ЯКМ, допускает опустошение, хотя в традиционной культуре пустота места является и греховной, и опасной¹ (*свято место пусто не бывает; из пустой хоромины либо сыч, либо сова, либо сам сатана; чтоб тебе пусто было; пустая деревня 'нежилая', в пустой след 'напрасно'*), поскольку оказывается ликом небытия. Опустошенность же времени мыслима на уровне теоретической рефлексии в естественно-математических дисциплинах, где ему приписана равномерность и гомогенность. Хотя А. Бергсон полагал воображаемое гомогенное время «идолом языка», «фикцией», лингвисты, напротив, признают, что в языковых объективациях время предстает качественно разнородным. И если чувственно воспринимаемое пространство наполняют телесные, предметные объекты (в крайнем случае – вещества), то умозрительное время-контейнер удерживает в своих границах непредметные сущности. Прежде всего это такие кванты «потока действительности», как события (преимущественно не зависящие от воли человека) и действия (в основном его воле подвластные).

При отсутствии строгого определения события данный статус, как правило, приобретают феномены, не вписывающиеся в пределы быта, обыденности, рутинного хода вещей: событие зачастую кажется неповторимым. Названные событийными именами непредметные объекты носят характер девиаций или эксцессов. Единичными оказываются не только «отрицательные», но и «положительные» девиации: не только потеря, но и находка и т.д.² Таким образом, события преимущественно соотносятся с **линейной моделью времени** – ведь конститутивными чертами события предстают и необратимость, и неповторяемость.

Континуумы же **циклического времени** заполняются рекуррентными природными процессами: *Каждый год тальник [ивняк] ледоходом складывает, льдом его сдерёт, все макушки у него обдерёт. За льдом идёт больша вода, ил наносит на его. Сантиметров 15–20 ила каждый год по берегам прибавлялось. Дак этот тальник даёт корни дополнительные и опять в рост даётся; Даже никакого хлеба [здесь] не сеяли: весной каждогодно тонешь. С другой стороны, циклические континуумы, независимо от объема, вмещают так же хорошо известные в силу их принципиальной «неновизны» действия людей – предписанные, одобряемые, желательные, нежелательные и запрещенные, персональные или же коллективные. При всей привычности они оказываются совершенно необходимыми и вновь повторяются в каждом новом цикле. Независимо от того, представляют они хозяйственную практику или связаны с различными обстоятельствами всего широкого течения жизни, такие действия обеспечивают витальные потребности человека и его духовные запросы: *Холст-то всю зиму прядёшь, выткешь, выбелишь, сошьёшь,**

¹ Широко известна примета, в которой реализуется вещный код культуры: встреча с женщиной, несущей пустое ведро, сулит неудачу.

² Представления о характере значимых событий в рамках классической бесписьменной традиционной культуры затронуты Л.Н. Гумилевым [10. С. 81–82]: «Довелось наблюдать чукчей, которые не могли ответить на вопрос, сколько им лет. <...> Разумеется, они помнили крупные события, например убийство медведя или приезд торговца с товарами, но отсчитывали их относительно друг друга: одно раньше другого, а насколько – не имеет значения».

лето пронесишь, а осенью сгниёт; Вечеринки, вечёрки – отдельно собирались, без работы, зимой. Летом заняты – работа.

4.1. От дискурсивных объективаций темпоральности традиционной культуры перейдем к концептосфере языка. Одной из самых интересных единиц ее темпорального слоя предстает *пора*, с ее богатейшим содержанием и сложной структурой. Семантически существительное *пора* наиболее близко к гиперониму *время*, и обе лексемы могут выступать в предикативной функции, равно указывая на своевременность действия¹. Но это «разные аспекты своевременности: *время* апеллирует к заранее известным срокам, а *пора* – к обстоятельствам (внутренней необходимости действия)» [15. С. 162].

Таким образом, мы сталкиваемся с деятельностной составляющей темпоральных концептов. *Пора* (как и исчезнувшая в современной ЯКМ *доба*, и развивший более конкретную семантику *годъ*) оказывается подходящим (*пористым, порастым, удобным, (при)годным, годейным, угожим, негожим*) периодом для неконкретизированных действий, вместилищем некой деятельности вообще.

Но темпоральные концепты могут быть детерминированы и конкретными акциональными областями традиционной культуры: *Последни венцы были. Если не сумеешь женить [сына] в последние венцы, то надо ждать до мясоеда или [окончания] Великого поста*. Наименования отрезков времени в этом отрывке из сказки свидетельствуют, что среди объективного многообразия рекуррентных действий, совершаемых в определенный период, лингвокультура отрефлексовала и типизировала одно, которое воспринимается как отражение характера и предназначения времени-контейнера. Оно становится «действием-вывеской», «действием-символом», мерой и формой времени. Во всех функциональных подсистемах современного русского языка имеются единицы, которые концептуализируют разновеликие континуумы времени как раз на основании прекращения подобных показательных действий: *антракт, перерыв, остановка, пауза, простой, перекур* (разг.), *передышка, роздых* (прост.), *продых* (прост.), *гулянка* (псков.), *привал, отгул, выходной (день), отпуск, каникулы, перемена, окно, перемежек* (урал.) и т.д. Как видим, вполне верифицирован тезис когнитивистов о том, что означиванию через язык подлежит не мир, неохватный в своем многообразии, а наше представление о мире, всегда аспектированное.

5.0. Подавляющее большинство темпоральных концептов «ословлено» (Е.С. Кубрякова) или «закодировано» (А. Вежбицкая) в русском языке при помощи имен и наречий. Что касается глагольных лексем, то их темпоральные значения лингвисты традиционно воспринимают на уровне грамем,

¹ В силу давней и глубокой укорененности *поры* в традиционной культуре содержание этого концепта реализуется и через многочисленные паремии: *всякому делу (овоцу) своя пора; зверя бьют – поры ждут; упусти пору (порину), да в лес по малину; сидят вино зимою, а пьют его порою; дорога подмочь в пору; хороша молодежь, а к поре никого не найдешь; от поры до поры – все топоры, а пришла пора – нет топора; не соваться, а поры дожидаться; часом с квасом, а порою с водюю и др.* Даже эти немногочисленные примеры ярко обнаруживают онтологические свойства *поры*: имея преходящий характер (вплоть до цикличности), она совершенно лишена квантитативной определенности, но при этом обладает определенностью качественной (выражающейся через пригодность и уместность какого-либо действия).

принудительно передающих время любого действия относительно момента речи (грамматической точки отсчета).

Лексическая же семантика времени признается прежде всего за немногими глагольными лексемами, отражающими фазовые смыслы (*начать, приступить, докончить, завершить*), либо за глагольным пластом «квазитемпоральной лексики» (Н.К. Рябцева), связанной с оценкой поведения человека в аспекте «времяпрепровождения». Они могут обозначать трату или экономию времени, попадание действия в подходящий момент, темп деятельности и т.д. (*глазеть, валандаться, ребячиться, упустить, зарекаться, накаркать, подгадать*). Однако темпоральный компонент значения в таких глаголах оказывается имплицитным, т.е. данный семантический признак выявляется при толковании слова.

Вместе с тем существует интересное подмножество деноминативных глаголов, которые не относятся к указанному пласту, **эксплицитно выражая темпоральные смыслы**. Их своеобразие можно счесть «живописным проявлением семантической щедрости, избыточности» языка, в терминах Н.Д. Арутюновой [16]. В 1976 г. при анализе предикатного значения она указала, что, вычленив некогда объект или орудие действия из значения глагола, язык дает ему возможность возвратиться в деноминативных глаголах типа *наследить, застеклить, пригвоздить*. В них физическое действие обозначается совместно со способом его осуществления.

Язык, разумеется, может вернуть в предикатное значение не только какой-либо из элементов структуры деятельности, но и сирконстантную информацию о времени развертывания действия и создать глаголы типа *зимовать*. С синхронной точки зрения их семантика оказывается прозрачной и расчлененной. При этом они объективируют темпоральные аспекты бытия дважды: не только на грамматическом уровне, выстраивая объективную модальность предложения, но и отсылая ко времени как бы «за пределами языка», к циклическому времени описываемого мира. В классификации предикатов такие единицы входят в класс «деятельность», «занятие», «поведение», и поскольку их внутренняя форма всегда отсылает к именам концептов времени, их логично назвать темпоральными глаголами.

5.1. Можно ли считать эти глаголы отмеченными лингвокультурной спецификой? Ответ зависит от того, что полагать ее основанием и признаками, и здесь общепринятых взглядов нет. Многие авторы видят критерий этноспецифичности (идиоэтничности) в невозможности перевести языковую единицу на другие языки, не прибегая к расчлененным наименованиям или фразеологизмам, т.е. аналитическим формам. Ю.Д. Апресян [17] считает меру этноспецифичности тем большей, чем большее число единиц выражает данный семантический лейтмотив, чем более разнообразна их природа и чем больше языков, для которых простой перевод невозможен.

Описываемые глаголы функционируют в ряде славянских языков. В 1983 г. их состава коснулась Д.С. Станишева [18]. По ее наблюдениям, в чешском языке их число ограничено: *zimovat, nocovat*¹. В русском языке круг

¹ Сохранение хотя бы одного из этих двух глаголов в большинстве западнославянских и южнославянских языках на фоне единиц, которые образованы от сопоставимых, но слабее нагруженных

шире: *дневать, ночевать, полдничать, вековать, зимовать*, однако их продуктивность как будто уменьшается, и состав по сравнению с древнерусским периодом¹, когда функционировали единицы *пладньовати, весьдѣньствовати, вечеровати, вечеряти, ночевати, ночьствовати, оутренити*, сократился. Количество болгарских глаголов значительно больше: *денувам, ноцувам, зимувам, векувам, пладнувам, годинясам, годинясвам, летувам*, и наблюдается их развитие и активность как в современном литературном языке, так и в его диалектах. Активно они употребляются и в сербохорватском языке: *ноћевати, зимовати, дановати, летовати, годиновати, пладновати*.

Переформулируем тезис Д.С. Станишевой: русские говоры, в отличие от литературной подсистемы, сохранили лексические парадигмы такого рода в более целостном состоянии или даже пополнили новыми членами. Так, в среднеобских старожильческих говорах² выделяются группы глаголов, связанные с несколькими циклами профанного характера ((1) *часовать – (зимать / зимовать – весновать – летовать – осеновать) – годовать*_{1,2} – *вековать* (словарь В.И. Даля фиксирует владим. единицу, которая потенциально входит в эту парадигму, *сутовать*, а сводный СРНГ – *неделевать*³); (2) *субботничать, понедельничать / понеделковать* (СРНГ со ссылкой на Словарь Академии Российской (1822) помещает *пятничать*; В.И. Даль дает без указания места глаголы *средничать, средонятничать* и *дневать*₁; в волог. говорах функционирует глагол *выходничать*); (3) *утренничать – дневать*₂ – *полдничать / полудновать / полуднять – вечерничать*₂ / *вечеровать / вечерять*, – эта среднеобская парадигма расширяется инодиалектными единицами *заревать*_{1,2}, известными соответственно забайк. и красн. говорам; в яросл., орл., тюм. говорах есть глагол *сумерить / сумеречничать / сумерничать*, МАС снабжает последний вариант пометой «разговорное», и *полночничать / полуночничать*, которые В.И. Даль помещает без локальной привязки, в той же статье фиксируя и глагол *сутемничать* с пометой «сев.») и сакрального характера ((4) *праздничать / праздновать, бороздить, вечерить / вечеровать*)³ [8]. Общее значение приведенных глаголов – ‘за-

коннотациями имен из парадигм *весна, лето, осень* и *утро, день, вечер*, отмечалось неоднократно. Что касается восточнославянской ветви, то словари украинского языка фиксируют глаголы *зимувати, ночувати, вечеряти, полуднати*, а русский глагол *полуночничать* (ЛСВ₁ – ‘до поздней ночи не ложиться спать, занимаясь чем-нибудь’, ЛСВ₂ ‘есть (перекусывать) поздним вечером (ночью)’) уже переводят как *сидѣти до пізньої ночі* и не отмечают наличие второго значения.

¹ Существуют и церковнославянские примеры: *У вас же, аще случится мнѣ, пребуду, или и озимѣю, да вы мя проводите, а може аще поиду* (2 Кор., 16:6). *Не добру же пристанищу суцу ко озимѣню, мнози совѣтъ даяху отвезтися оттуду, аще како возмогутъ, достигше Финикии, озимѣти въ пристанищи критстѣмъ* (Деян., 27:12).

² В конкретных говорах количество подобных глаголов может значительно варьировать. Показательно, что А.Б. Коконова [19] описывает более 30 производных единиц (включая несвободные сочетания) от имени *век*, функционирующие в арх. говорах, однако глагол *вековать* не упоминает.

³ В качестве иллюстрации для разных членов этой парадигмы СРНГ приводит, по всей вероятности, фрагменты обрядовой песни, неоднократно записанной в разных регионах. Первый фрагмент: *Мне не век же да у вас вековать, мне не год же у вас да годовать, не весну-то у вас весновать, не лето-то у вас летовать* (указаны локалы Волог., Новг.). Второй фрагмент: *Один часик часовать во своей-то светлой светлице, не неделюшку неделевать*. Без указания на время записи даны локалы Костр., Перм., Урал, с указанием даты – Псков (1850).

полнять проживаемый отрезок времени типичными действиями¹. Толкование их лексического значения может эксплицировать как интегральный семантический компонент ‘жить вообще’ (*Перву вот зиму зимать будут; По осени за шишкой мужики едут. Кой-кто всю зиму с орехами зимовал. Многи в войну только их и ели [зимой]; Берлог найдёшь, так и зимой убиваешь. Прозимовывают [медведи] без всякого корму; Пролетуешь, осенью идёшь под-ремонтнуешь кулёму [охотничью ловушку]; Ждёшь-ждёшь лето, как из печи пирога, а быстро его пролетуешь* (курган.); *На новом месте еле переговдавли* (курган.); *Переговдовать – пережить* (красн.), так и дифференциальный – ‘производить конкретное действие’. Спектр таких действий не выходит за пределы обычных хозяйственных практик, сложившихся в региональном варианте традиционной культуры².

Например, в диалектных системах Севера России, Урала и Сибири имя циклического континуума *осень* порождает глаголы *осеневать / осеновать / осенничать*, в том числе и в составе полусвободных сочетаний с «внутренними объектами» типа *осень осеновать*³. Перечисленные формальные варианты репрезентируют заполнение времени-контейнера рекуррентными сезонными действиями. В Среднем Приобье это заготовка орехов в тайге, на значительном расстоянии от деревенского дома (*Падалицу [упавшие шишки] осенью, едут далеко. Падалицу собирали. Километров сорок [от деревни] осеновали – осенью жили, падалицу до снега собирали, много насбирывали*). В районе Пинеги и Архангельска – охота, Кургана – полевые работы. Более специфическое занятие глагол обозначает в ишим. и тобол. говорах – это поборы с крестьян в пользу приходского храма⁴. СРНГ помещает иллюстративный контекст, записанный в 1849 г.: *Дьякон поехал осенничать*.

Схожий характер в ряде севернорусских и сибирских диалектных систем имеют значения глагола *весновать*: ‘проводить где-либо весну’, ‘останавливаться во время пути весной, выжидая вскрытия рек’, ‘промышлять рыбу и зверя’, ‘пасти скот на летних пастбищах’. Глагол *летовать*, по данным

¹ Р.И. Кудряшова [20], описывая «годовую» глагольную парадигму в дон. говорах, упоминает о многочисленных префиксальных дериватах типа *залетовать, облетовать, перелетовать, полетовать, пролетовать*. Если вынести за скобки разные оттенки грамматической аспектуальной семантики, то, по ее наблюдениям, большинство донских глаголов, производных от имен *весна, осень*, имеют значение ‘начало действия’ (оно характерно и для «внепарадигмального» глагола *засентябрить*), тогда как образованные от существительных *зима, лето* единицы означают ‘проживать названный период’.

² Отклонения носят единичный характер: например, псков. глаголы *вечериться* и *заряниться* начинают соответственно ‘гулять поздно вечером, шататься, волочиться’ и ‘гулять, ходить, гостить до зари (рассвета)’, в ворон. говорах *заревать* имеет ЛСВ (1) ‘спать на заре’, (2) ‘гулять на вечерней заре’, а также третий ЛСВ, который обозначает полуобрядовые-полухозяйственные действия девушек ‘сторожить холсты’.

³ А.В. Исаченко [21. С. 351] называет их «архаическими устойчивыми сочетаниями», приводя в ряду думу *думать, горе горевать* и темпоральный пример *зиму зимовать*. В говорах подобные конструкции довольно регулярно создают глаголы, связанные с профанным временем, безотносительно к объему упоминаемого континуума. Современные диалектные тексты (*Пролетовдали лето; У меня дочь кждно лето летует на курорте* (красн.) дополняют паремии, записанные В.И. Далем: *где ночь ночует, тут и год годует; не чаем, где час часовать, а Бог приведёт и ночь ночевать; не чаяли часу прочасовать, а пришлось годы годовать; год годовать – не век вековать*.

⁴ В красн. говорах есть существительное *весновка* в значении ‘сезонная часть сборов в пользу церкви’. Это позволяет предположить возможность функционирования глагола *весновать*, не зафиксированного диалектологами.

СРНГ, функционирует и на территориях Брянской, Рязанской, Смоленской, Курской областей, при этом в словарной статье преобладают контексты, записанные в севернорусском, уральском и сибирском регионах. Круг значений по-прежнему предсказуем: 'проводить где-либо лето', 'заниматься промыслом вне селения', 'выполнять летнюю сельскохозяйственную работу'. Поскольку производящее имя *лето* имеет и устаревший ЛСВ 'год' (*в лето такое-то от Рождества Христова; прошло столько-то лет*), то в орл., ряз., красн., урал. говорах глагол закономерно функционирует в значении 'быть (находиться) где-либо в течение года (нескольких лет)' (ср. со среднеобским глаголом *годовать*).

При укрупнении масштаба «темпоральной карты мира», когда единицей измерения становится день (сутки), заметно, что представление о «жизни в определенный период» объединяет онтологические классы действий, которые свойственны денотативной сфере повседневности. Ее структура, по мнению философов, создается тремя элементами, обеспечивающими поддержание человеческой телесности, – пищей, трудом и эротическими отношениями [22]. Последний элемент рассматриваемые глаголы не оязыковляют, но ими маркированы (1) хозяйственные (производственные, промысловые) действия либо их отсутствие вплоть до запрета на них (*Много ли успеешь навечерить [наработать вечером], приходится и день захватывать* (забайк.); *Думал навечерить, а глян, гости пришли, и всё пропало* (забайк.); *Знать, субботничали [делали уборку в доме] девоцьки* (урал.); *Нонче пойдут мужики заревать [ловить рыбу на заре]* (красн.); *Хватит сумерничать-то [сидеть, отдыхая и разговаривая], надо спать* (урал.); *Выходничаем [отдыхаем, не работая] сёдне* (волог.); *На больнщином мѣсеч целой просидела, дак досыта навыходничалась* (волог.); (2) трапезничание либо его [частичный] запрет (первый аспект могут проиллюстрировать живые диалектные тексты: *Раньшы сумерничать садилсь все вмести, ни збирали один по одному* (орл.); *Дзедзем [едим поминальный ужин] мы. Месечно на вулице було, а к нам баба пришла* (полес.), второй – «народные поверья», помещенные в словаре В.И. Даля: *кто понедельничает [держит пост в понедельник], возрадуется заступничеству Архангела Михаила; лучше не понедельничать, да не бездельничать*).

В некоторых диалектных системах наблюдается полисемия, поскольку глагол служит для обозначения обоих классов действия¹. Так, в курских (1859), тверских (1855), тульских, псковских говорах *полудничать* функцио-

¹ Например, одна группа значений глагола *годовать* представляет действия, объектом которых является пища. В.И. Даль полагал, что ЛСВ со значением 'кормить, воспитывая, выращивая' пришел в русские говоры из соседних малороссийских и белорусских. СРНГ отмечает наличие глагола с этой семантикой в смол. (1862), орл., курск., дон., псков. говорах, зафиксирован он и в центральных и южных районах Красноярского края. В сарат. говорах функционирует ЛСВ со значением 'угощать'. Другая группа значений глагола *годовать* в сиб., перм., екатеринб. (свердл.), арх. говорах репрезентирует невовлеченность человека или орудий (инструментов), промежуточных продуктов и заготовок в трудовую деятельность: 'праздно проводить время, бездельничать', 'сидеть без дела (о человеке)', 'лежать без дела (об инструментах и т.д.)'. В Среднем Приобье известны оба ЛСВ (*Что, ты меня годовала?*; *На сараях яруса стоят, годуют*), но частотность их актуализации низка, а более актуальным является еще один ЛСВ 'жить в течение года' (*Он на годовые курсы годовать поехал*).

нирует в значениях 'есть', 'отдыхать в это время'¹; в русских говорах Забайкалья глагол **вечеровать** имеет ЛСВ 'работать вечером' и 'ужинать'.

Однако чаще полисемия возникает, в терминах С.М. Толстой, на уровне «общерусского потенциала»: **понеделковать** (брян., Литва) / **понеделовать** (псков., твер., Литва) – 'отказываться от скоромной пищи (поститься) в понедельник', **понеделничать** (псков.) – 'отказываться от лова рыбы в понедельник'; **утреничать** – 'завтракать рано утром', **утренивати** – 'проводить раннее утро в делах, на ногах' (последние лексемы В.И. Даль приводит без указания места сбора, что, следует полагать, свидетельствует об их широком распространении); **заревать** 'есть на заре (рано)' (забайк.), **заревать** 'рыбачить на заре' (красн.).

Общерусская перспектива также обнаруживает, условно говоря, энантио-семию: например, в терских говорах **дневать** – это 'проводить праздничный день в полевых работах' (1907), тогда как в говорах Урала 'прерывать на день промысел рыбы' (1958): *Понедельник – рыбачить, вторник – дневать, пятницу, субботу – рыбачить, воскресенье – дневать*.

Спектр действий, репрезентирующих континуумы сакрального времени, оказывается более узким, поскольку он жестко закреплен культурной нормой, диктующей трансформацию поля деятельности (*в день свят суеты (дела наши) спят*). Работа в эти периоды уступает место гулянию. Оно состоит из обязательного праздничного трапезничания (как правило, включающего алкоголь) и развлечений – от пения до хороводов, катания с горок или на лошадях, игр и кулачных боев. В результате в Полесье функционируют глаголы **андросити, варварити, савити** 'пребывать в течение времени, называемом хрононимом' или 'праздновать называемый хрононимом день' [23]. В.И. Далем помимо названных отмечен глагол, отсылающий ко дню преставления св. Николая Мирликийского, так называемому «зимнему» Николину дню, **николить** (СРНГ приводит для него локальные пометы и датировку Перм. (1856) и Арх. (1832)). При этом все четыре единицы имеют одинаковую семантизацию – 'праздновать, гулять, пить, кутить'. «Словарь русских говоров Забайкалья» (1980) лексикографирует варианты **прошничать / прокопничать** 'пить чай без молока в период от петровок до Прошкина (Прокофьева) дня'.

Номинации праздничных² дней, созданные в народной календарной традиции разных регионов без опоры на антропонимы (например, *Великдень* (1) 'первый день Пасхи'; (2) 'весь период Пасхи'; *масленица, святки, деды* 'день календарных поминок; родительский день', *борозда* 'праздник в честь окон-

¹ Словарь В.И. Даля помещает глагол *полдневать* с пометой «сиб.» в значении 'умирать, жить последние минуты, отходить, быть на отходе, лежать на смертном одре'. СРНГ у вариантов *полудновать / полудневать* с этим значением указывает локалы Южная Сибирь (1847), Иркутск, Беломорье, Архангельск. Однако в говорах Среднего Приобья в таком значении используется единица иного «темпорального масштаба»: *Часует – когда умирает* (1963). Даль сопровождает этот глагол указанием «вост.». *Часовать* есть также в «Словаре диалектной личности» (2000), который описывает лексикон жительницы с. Кодского Шатровского р-на Курганской обл.

² Статус праздника в русской крестьянской традиции на рубеже XIX–XX вв. оставался довольно неопределенным: «Со словом «праздник» была связана многозначная и иерархическая шкала ситуаций – от ежедневного кратковременного отдыха в будни (полудничанья и сумерничанья) – до полного выключения из обычной жизни и хозяйственной деятельности на несколько дней всего общинного коллектива (в самом широком смысле – «мира»)» [24. С. 145].

чания посевной кампании'), также способны становиться производящей базой для подобного рода диалектных глаголов: *великодневать* (полес.), *масленичать* (забайк.), *святочничать* (без локала у Даля), *дедовать* (полес.), *бороздить* (среднеоб.) и близких к ним единиц *праздничать* / *праздниковать*, *святковать* 'отмечать праздник (*свято, святок*)' (южн. и зап.). В этой парадигме маргинальным оказывается статус владимирского глагола *весновать* в значении 'праздновать наступление весны', поскольку мотивирующей единицей для него выступает имя профанного периода. Правда, для всех земледельческих культур значимость весеннего сезона столь высока, что его наступление закрепляется обрядами встречи (славянский материал достаточно полно описан в работах Т.А. Агапкиной, С.М. Толстой и др.).

Рассмотренные выше глаголы объединены их отношением к циклическому времени. Формирующие данную темпоральную модель профанные / сакральные континуумы обладают свойством повторяемости, неновизны. Однако в силу непрерывности семантического пространства языка на периферии этого его участка сходным образом могут быть концептуализированы континуумы времени, входящие в линейную модель. Они проживаются каждым лишь однажды, вместе с тем способ их проживания – их «заполнения» – традиционная культура задает столь же жестко. Таким образом можно интерпретировать арх., беломор. и волог. глаголы *молодиться, молодецвать* в значении 'проводить, проживать молодые (добрачные) годы'. Молодежь, готовясь к переходу в полноправные члены общины, получала большую свободу в поведении, а также обязанности в некоторых обрядах (см. работы Т.А. Бернштам): *Когда я молодилась, у нас не было таких случаев* (волог.); *Я давно ведь молодёвала, при царе ешию. Ровесничали мы с ёй, вместе молодёвали* (волог.); *Он тогда еще молодецвал вместе с моим хозяином, а сейчас у него дочери молодцуют* (волог.); *Я недолго молодецвала, замуж выдали* (арх.).

5.2. Грамматическая система частей речи через когнитивные категории предметности, признаковости и процессуальности манифестирует наше восприятие мира не только во временных, но и в пространственных формах его бытия. Принято полагать, что феномены, которые обозначаются существительными, связаны с осмыслением дискретности, негомогенности пространства, а для тех, что обозначены глаголами, важна темпоральная проекция мироздания. Тем не менее Е.С. Кубрякова в ряде работ настаивает на большей сложности когнитивных структур, кодируемых глаголами, на их хронотопной организации: «Категория глагола базируется не столько на единственном концепте, сколько совмещает самые сложные для человеческой мысли концепты времени и пространства с их достаточно условным, но антропоцентрически ориентированным членением» [4. С. 267], см. также работу [25].

На фоне рассмотренных темпоральных глаголов в русских диалектах существует и пласт деноминативных глагольных слов, которые объективируют заполнение действиями не времени, а пространства (*таёжничать* 'промышлять в тайге', *стрежевать* 'промышлять рыбу на стреже [участок реки с быстрым течением]', *базарить* / *базарничать* 'торговать на базаре', *фермачить* 'работать на ферме' и т.д.). Могут ли быть взаимосвязанными наполнение

действиями временного континуума и жесткая фиксация их локуса? В русской ЯКМ, субстратом которой выступают крестьянские диалекты, как будто нет¹. Возможно ли это в других языках? Следует полагать, да. Так, Е.А. Бардамова перечисляет ряд бурятских глаголов, которые содержат темпоральные семы, аналогичные рассмотренным выше на материале русских диалектных единиц. Помимо этого семантический объем бурятских глаголов обогащен смыслами, важными для кочевого народа, выстраивающего по рекуррентному принципу и свои отношения с пространством. Хронотопная организация глагольной семантики оказывается здесь более релевантной, чем в языках оседлых земледельческих этносов. В результате возникает «свойство некоторых бытийных глаголов актуализовать **временную область пространственного бытия** (выделено нами. – Г.К.] кочевника *зухаха* ‘проводить лето’, *намаржаха* ‘проводить осень’, *убэлжсэхэ* ‘зимовать’, *үдэрлэхэ* ‘проводить день’» [27. С. 19]. Не имея возможности судить о полноте приведенной лексической парадигмы, подчеркнем, что при переводе на русский язык актуализован единственный общерусский универб *зимовать*.

6.0. Итак, обращение к реализациям одной из универсальных когнитивных метафор («пространство – это время») парадоксально обнаруживает частный способ лингвокультуры концептуализировать темпоральные стороны человеческого бытия.

Вместе с тем осознанию лингвоспецифичности такой трактовки времени способствуют диалектные языковые факты. Дело даже не в том, что в массиве анализируемых примеров преобладают локально ограниченные глаголы. Непривычные для носителя литературной подсистемы лексемы (*весновать* vs. *зимовать* или *неделевать* vs. *вековать*) «остраивают», изменяют знакомую картину мира, созданную средствами общенационального языка. В непреходящей антиномии своего и чужого² диалектизмы, являясь русскими словами, порождениями русского языкового сознания, обладают той мерой инаковости, которая привлекает к ним внимание, обуславливая (не только профессиональную) рефлексию о собственном языке.

Количество уже выявленных разнодиалектных темпоральных глаголов заставляет говорить о высокой устойчивости данного семантического лейтмотива. Его «оязыковление» завершает процесс типизации и недискурсивного истолкования сути времени как вместилища действий, который шел столетиями. И ныне эта суть присваивается каждым носителем лингвокультуры как часть семантической системы языка, часть неотрефлексированного национального менталитета.

Репрезентируемое темпоральными глаголами время предстает внутренне целостным благодаря однородным действиям, его наполняющим. За пределами данного времени-вместилища подобные действия невозможны, не су-

¹ Впрочем, А.А. Зализняк и А.Д. Шмелев [25] отмечают, что выражение *он пришёл с утра* не может быть понято русскими как ‘пришел домой’, равным образом *он ушёл с утра* понимается именно как ‘ушел из дома’, а *вернулся под утро* ‘домой’, поскольку в нормы культуры предполагают, что ночью человек находится дома и при этом спит.

² С одной стороны, понятное, разнообразное и разделенное «свое» противостоит целостному «чужому», основания дробления, дифференциации которого неизвестно, но, с другой стороны, в картине присвоенного мира подробности сливаются, став слишком привычными.

шествуют. *Летуют, полуднут, понедельничают* или *варварят* только в течение лета, полудня (безусловно, в данном случае континуум не является «точечным»), понедельника или Варварина дня (Варвары, Варвар) соответственно.

В целом темпоральные глаголы описывают осмысление языковым сообществом сферы повседневности, или «вечного настоящего». Это статичная ипостась бытования мира, оксюморонное царство «неподвижных циклов», постоянства жизненно важных отношений. Границы «сейчас» размыты, и оно обладает всепоглощающим характером. Экспансия настоящего выхватывает и подчиняет себе и сферу вчера, и сферу завтра. Настоящее лишено событий (однако не исключает происшествий и эксцессов), наполняясь деятельностью, действиями, деяниями, поведением, поддерживающими телесность человека, а также природными процессами, в которых человек не участвует. Именно это время житейской суеты, торопливости, близких сроков, время быта, а не бытия концептуализировано глаголом *сегоднячить* (*полно сегоднячить, поспеешь и завтра*), который В.И. Даль поместил, не указывая ареала распространения, с толкованием «настойчиво стремиться сделать что-л. сегодня».

Объем циклических континуумов времени, к которым отсылают темпоральные глаголы, варьирует, но остается в пределах «мещо-мира», заданных человеческой сущностью. Традиционной культуре чужды мгновения и эпохи, ее темпоральные горизонты установлены и узаконены крайними членами парадигмы *вековать – часовать* с их значениями «проживать жизнь» и «проживать последние предсмертные часы», несколько упрощая, – «жить» и «умирать». Как видим, темпоральные глаголы объективируют не только пороги прецизионности традиционной культуры, но и ее экзистенциальные и этические установки. Вполне очевидно, что ряд континуумов-контейнеров, к которым отсылают глаголы, дан и «миру без человека» (так, времена года или субсуточные отрезки, в отличие от дней недели или праздников, создаваемых только культурной традицией, – объекты иного класса). При этом субъектом действий, обозначенных темпоральными глаголами, является прежде всего человек, а чаще – только человек.

Концепт культуры, обретая языковую оболочку, получает имя и его грамматическую категоризацию. Поскольку части речи – это (1) и способ, и результат придания опыту взаимодействия с миром «каков он есть» упорядоченности (структуры); (2) и способ, и результат «сортировки» данного опыта, то разные части речи связаны с разными когнитивными структурами. Частеречная семантика маркирует внеязыковое отличие элементов действительности или аспектов бытия. Если связь категорий «время» ↔ «действие» концептуализирована именем-девербативом (*жатва, страда, сидень* «поздний вечер» (сиб.), *заперт* «время окончания ярмарки торжища» (забайк.), то время предстает как сущность, а действие – как мера и форма этой ненаблюдаемой, конструируемой сущности. А деноминативные глаголы, отражающие эту же связь, будучи признаковой частью речи, репрезентируют иные смыслы: действие маркирует предназначение времени, его спецификацию.

Список условных сокращений ареалов функционирования диалектизмов

Говоры алт. – алтайские, арх. – архангельские, беломор. – беломорские, брян. – брянские, владим. – владимирские, волог. – вологодские, ворон. – воронежские, дон. – донские, екатеринб. (свердл.) – екатеринбургские (свердловские), забайк. – забайкальские, иркут. – иркутские, ишим. – ишимские, костр. – костромские, красн. – красноярские, курган. – курганские, курск. – курские, новг. – новгородские, орл. – орловские, перм. – пермские, печ. – печорские, полес. – полесские, псков. – псковские, ряз. – рязанские, сарат. – саратовские, сиб. – сибирские, смол. – смоленские, среднеоб. – среднеобские, твер. – тверские, тобол. – тобольские, тюм. – тюменские, урал. – уральские, яросл. – ярославские.

Литература

1. Вежибицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. 776 с.
2. Бородай С.Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации // Вопр. языкознания. 2013. № 4. С. 17–54.
3. Вежибицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов (1997). М., 2001. 288 с.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. М., 2004. 560 с.
5. Гириц К. Как мы сегодня думаем: к этнографии современной мысли (1983) // Этнографическое обозрение. 2007. № 2. С. 3–16.
6. Резанова З.И. Дискурсивные картины мира // Картины русского мира: современный медиадискурс. Томск, 2011. С. 15–94.
7. Толстой Н.И. Язык и культура (1990) // Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и лингвистике. М., 1995. С. 15–26.
8. Калиткина Г.В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск, 2010. 296 с.
9. Сорокин П., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа (1937) // Социс. 2004. № 6. С. 112–119.
10. Гумилев Л.Н. Этнос и категория времени (1967) // Этносфера. История людей и история природы. М., 1993. С. 79–97.
11. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Концепт «действие» в контексте мировой культуры // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. С. 5–14.
12. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры (1972) // Гуревич А.Я. Избр. тр.: в 3 т. М.; СПб., 1999. Т. 2. Средневековый мир. С. 15–261.
13. Рахилина Е.В., Плунгян В.А. Временные значения русских предлогов: границы метафоризации // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 5–20.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем (1980) // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.
15. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени, восприятия. М., 1994. 344 с.
16. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека (1976). М., 1999. 896 с.
17. Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 31–160.
18. Станишева Д.С. Единицы лексики и грамматики, выражающие темпоральное значение «период» в некоторых славянских языках // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983. С. 105–112.
19. Кокконова А.Б. Связь понятия «век» с рождением и смертью человека (на материале архангельских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2011. СПб., 2011. С. 367–371.

20. Кудряшова Р.И. Глаголы, мотивированные именами существительными со значением времен года, в донских казачьих говорах // Лексический атлас русских народных говоров: (Материалы и исследования). 2012. СПб., 2012. С. 172–182.

21. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология. (1960). М., 2003. 880 с.

22. Сохань И.В. Повседневность как универсальное основание человеческой культуры: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 1999. 124 с.

23. Толстая С.М. Антропонимы в народной календарной мифологии // Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманит. науки. Ономастика: общие вопросы. 2001. № 20, вып. 4. С. 54–59.

24. Бернштам Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX в.) // Этнические стереотипы поведения. М., 1985. С. 120–153.

25. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. С. 84–90.

26. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Время суток и виды деятельности // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 229–240.

27. Бардамова Е.А. Пространство и время в языковой картине мира бурят: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Уде, 2011. 32 с.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 6 (32), pp 17-36. DOI 10.17223/19986645/32/2
 Kalitkina Galina V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dasty2@yandex.ru
THE COGNITIVE METAPHOR OF THE CONTAINER AND THE LINGUO-CULTURAL SPECIFICITY OF TIME CONCEPTUALIZATION.

Keywords: linguistic culture, dialect, cyclical time, temporal verbs.

The universal physical experience of people generates general cognitive schemes of its processing. One of them is a metaphor of the container that originally conceptualized the human comprehension of space, and then – other aspects of reality, including the time. Temporal containers are filled with non-object manifestations of the world – events and processes, these concepts are represented mainly by nouns and adverbs.

On this background of interest is the linguo-cultural specificity of denominative "temporal" verbs such as *zimovat'* that exist in a number of Slavic languages. However, most of these units cannot be translated from the Russian language without using analytical forms. In the classification of predicates the analyzed verbs belong to the class of "activity", "occupation", "behavior". Their semantic leitmotif can be summarized as 'to spend, to live a continuum of time called by the derivative base name, filling this period with typical (indicative) actions'. The subject of such actions is primarily a person (*nochevat'*), and most frequently – only a person (*ponedelnichat'*_{1,2}, *dedovat'*, *borozdit'*, *vecherit'*).

The scope of time-container that includes actions varies from a century (*vekovat'* – 'spend one's lifetime') to an hour (*chasovat'* – 'spend the last hours before death'), yet remains within the limits resulting by the human nature. These verbs do not only outline the temporal horizons of traditional culture, but also mark its existential and ethical orientations, norms and values. The millennial traditional culture is based on the concept of non-novelty, repeatability, eternal return of all forms of activity. It could be the reason for the formation of temporal verbs from nouns denoting continua included in the cyclic model of time.

Generally described verb units conceptualize everyday life, the static world "now" which is filled with activities that support human corporeality – work and eating.

The literary subsystem of modern Russian language has a few temporal verbs, but, taking into account the "all-Russian potential" realized by living dialects, this fragment of the Russian language picture of the world becomes complete and detailed. Dialect units are the result of the Russian language consciousness, just like other words not limited locally.

Temporal verbs, which are a tool of non-discursive interpretation of the essence of time as a container of actions, evidence of the sustained interest of the Russian language culture in this aspect of the temporal experience of the person.

References

1. Wierzbicka A. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 776 p.

2. Boroday S.Yu. *Sovremennoe ponimaniye problemy lingvisticheskoy otositel'nosti: raboty po*

prostranstvennoy kontseptualizatsii. [Modern understanding of the problem of linguistic relativity: works on spatial conceptualization]. *Voprosy yazykoznanija*, 2013, no. 4, pp. 17-54.

3. Wierzbicka A. *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov (1997)* [Understanding cultures through keywords (1997)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2001. 288 p.

4. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya* [Language and knowledge: Towards learning about language: Parts of speech from a cognitive point of view]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2004. 560 p.

5. Girts K. *Kak my segodnya думаем: k etnografii sovremennoy mysli (1983)* [How we think today: ethnography of modern thought (1983)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2007, no. 2, pp. 3-16.

6. Rezanova Z.I. *Diskursivnye kartiny mira* [Discursive pictures of the world]. In: Rezanova Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Pictures of the Russian world: contemporary media discourse]. Tomsk: ID SK-S Publ., 2011, pp. 15-94.

7. Tolstoy N.I. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i lingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and linguistics]. Moscow: Indrik Publ., 1995, pp. 15-26.

8. Kalitkina G.V. *Ob"ektivatsiya traditsionnoy temporal'nosti v dialektnom yazyke* [The objectification of the traditional temporality in dialectal language]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 2010. 296 p.

9. Sorokin P., Merton R.K. *Sotsial'noe vremya: opyt metodologicheskogo i funktsional'nogo analiza (1937)* [experience of methodological and functional analysis (1937)]. *Sotsis – Socis*, 2004, no. 6, pp. 112-119.

10. Gumilev L.N. *Etnosfera. Istoriya lyudey i istoriya prirody* [Ethnosphere. History of people and history of nature]. Moscow: Ekopros Publ., 1993, pp. 79-97.

11. Stepanov Yu.S., Proskurin S.G. *Kontsept "deystvie" v kontekste mirovoy kul'tury* [The concept "action" in the context of world culture]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka. Modeli deystviya* [Logical analysis of language. Action models]. Moscow: Indrik Publ., 1992, pp. 5-14.

12. Gurevich A.Ya. *Izbrannye trudy: v 3 t.* [Selected works: in 3 vols.]. Moscow – St. Petersburg Publ., 1999. Vol. 2, pp. 15-261.

13. Rakhilina E.V., Plungyan V.A. *Vremennye znacheniya russkikh predlogov: granitsy metafORIZatsii* [Temporal meanings of Russian prepositions: borders of metaphorization]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2013, no. 1 (25), pp. 5-20.

14. Lakoff G., Johnson M. *Metaforы, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. In: Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A. (eds.) *Teoriya metafory* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 387-415.

15. Yakovleva E.S. *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira: modeli prostranstva, vremeni, vospriyatiya* [Fragments of Russian language picture of the world: models of space, time and perception]. Moscow: Gnozis Publ., 1994. 344 p.

16. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 896 p.

17. Apresyan Yu.D. *Osnovaniya sistemnoy leksikografii* [Bases of system lexicography]. In: Apresyan Yu.D. (ed.) *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and systemic lexicography]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2006, pp. 31-160.

18. Stanisheva D.S. *Edinitsy leksiki i grammatiki, vyrazhayushchie temporal'noe znachenie "period" v nekotorykh slavyanskikh yazykakh* [Units of vocabulary and grammar, expressing temporal meaning "period" in some Slavic languages]. In: *Aspektual'nye i temporal'nye znacheniya v slavyanskikh yazykakh* [Aspectual and temporal meanings in Slavic languages]. Moscow: Nauka Publ., 1983, pp. 105-112.

19. Kokonova A.B. *Svyaz' ponyatiya "vek" s rozhdeniem i smert'yu cheloveka (na materiale arkhangel'skikh govorov)* [Connection of the concept "age" with the birth and death of the person in Arkhangelsk dialects]. In: Gerd A.S. (ed.) *Leksicheskiy atlas i russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya. 2011* [Lexical atlas and Russian folk dialects. Materials and Research. 2011]. St. Petersburg, 2011, pp. 367-371.

20. Kudryashova R.I. *Glagoly, motivirovannye imenami sushchestvitel'nyimi so znacheniem vremen goda, v donskikh kazach'ikh govorakh* [Verbs motivated by nouns with the meaning of seasons in the Don Cossack dialects]. In: Gerd A.S. (ed.) *Leksicheskiy atlas i russkikh narodnykh govorov. Materialy i issledovaniya. 2012* [Lexical atlas and Russian folk dialects. Materials and Research. 2012]. St. Petersburg, 2012, pp. 172-182.

21. Isachenko A.V. *Grammaticheskiy stroy russkogo yazyka v сопоставлении со slovatским.*

Morfologiya [The grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak Morphology]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2003. 880 p.

22. Sokhan' I.V. *Povsednevnost' kak universal'noe osnovanie chelovecheskoy kul'tury*. Dis. kand. filosof. nauk [Daily life as a universal basis of human culture. Philosophy Cand. Diss.]. Tomsk, 1999. 124 p.

23. Tolstaya S.M. *Antroponimy v narodnoy kalendar'noy mifologii* [Anthroponyms in folk calendar mythology]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Onomastika: obshchie voprosy*, 2001, no. 20 (2001), issue 4, pp. 54-59.

24. Bemshtam T.A. *Budni i prazdniki: povedenie vzroslykh v russkoy krest'yanskoy srede (XIX – nachalo XX v.)* [Weekdays and holidays: the behavior of adults in the Russian peasant community (the 19th – early 20th centuries)]. In: Bayburin A.K. (ed.) *Etnicheskie stereotipy povedeniya* [Ethnic stereotypes of behavior]. Leningrad: Nauka Publ., 1985, pp. 120-153.

25. Kubryakova E.S. *Glagoły deystviya cherez ikh kognitivnye kharakteristiki* [Action verbs through their cognitive characteristics]. In: Arutyunova N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Modeli deystviya* [Logical analysis of language. Action models]. Moscow: Indrik Publ., 1992, pp. 84-90.

26. Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. *Vremya sutok i vidy deyatel'nosti* [Time of day and activities]. In: Arutyunova N.D., Yanko T.E. (eds.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical analysis of language. Language and time]. Moscow: Indrik Publ., 1997, pp. 229-240.

27. Bardamova E.A. *Prostranstvo i vremya v yazykovoy kartine mira buryat*. Avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Space and time in the language picture of the world of the Buryats. Abstract of Philology Dr. Diss.]. Ulan-Ude, 2011. 32 p.